

— Рассказывай что угодно, лишь бы о тебе, — улыбнулась Лу Чжаньлань. — Семья, учёба, работа — всё интересно. Но больше всего, признаюсь, мне хочется узнать о твоей личной жизни. Ты ведь такой видный, да и человек замечательный — наверняка отбоя от девушек нет?

Ли Шэнъань негромко рассмеялся и с мягким любопытством посмотрел на неё:

— А сама-то? Такая красавица, умница. Вокруг тебя, должно быть, целая толпа ухажёров вьётся?

— Ах, Шэнъань, какой же ты хитрый! — вспыхнула от смущения Чжаньлань. — У меня ведь и первой любви ещё не было! Ну ладно, сделаем так: чтобы развязать тебе язык, я сначала поделюсь своей историей. Договорились? Только чур говорить чистую правду и не юлить!

Очарованный её непосредственностью, Шэнъань почувствовал, как отступает дневная усталость.

— Идёт, — улыбнулся он.

— Тогда слушай, — заговорщицки понизила голос девушка. — Меня зовут Лу Чжаньлань. Родилась я в Штатах, хотя корни наши в Пекине. В двенадцать лет меня отправили в Англию, и только в двадцать два я наконец вернулась на родину.

Она умолкла и весело, не мигая, уставилась на Шэнъаня.

— И... это всё? — притворно изумился тот.

— Конечно нет! Но теперь твоя очередь, — рассмеялась Чжаньлань.

— Ну, моя судьба куда прозаичнее вашей, — развёл руками Шэнъань. — Ли Шэнъань, двадцать четыре года. Родился и вырос в самой обычной китайской семье.

— Не пойдёт, — капризно надула губы Чжаньлань. Она ненадолго задумалась, глядя себе на носки туфель, а затем посерьёзнела: — Давай так. Сейчас я расскажу тебе кое-что по-настоящему личное. Пообещай только, что не будешь смеяться.

Шэнъань молча кивнул, его взгляд стал серьёзным и внимательным.

— Ну что ж, попытка номер два, — вздохнула она. — Все знают моего отца как выдающегося экономиста, но о нашей семье почти ничего не известно. Особенно о маме. На самом деле родители познакомились и полюбили друг друга в Йельском университете, они были сокурсниками. Закрутился бурный роман, но поженились они, лишь когда обоим было под тридцать. Сначала мешала учёба и карьера отца, а потом вмешался дедушка — он был

категорически против их союза. Дедушка в то время уже занимал высокий пост в одном из ключевых министерств и, думая о престиже и номенклатурных связях, сосватал маме совсем другого человека. Но мама наотрез отказалась выходить за нелюбимого, выбрав моего отца, из-за чего её отношения с бабушкой разладились на долгие годы. Отец ведь тоже происходил из интеллигентной, уважаемой семьи, но дедушка его в упор не замечал. Лёд тронулся лишь тогда, когда отец защитил докторскую степень в Йельском университете и получил признание за рубежом. Только после этого дедушка благословил их брак. Вскоре после свадьбы мама родила мальчиков-близнецов. Их называли Лу Чжаньсун и Чжаньбай — в честь сосны и кипариса, надеясь, что их жизнь будет такой же вечнозелёной, сильной и стойкой.

— Погоди, — не удержался Шэнъань. — У тебя есть два брата? К тому же близнецы?

— Да, — тихо отозвалась Чжаньлань. — Но это дела минувших дней. Мой старший брат, Лу Чжаньсун, не дожил и до двух лет. Трагически погиб совсем крохой.

— Боже... — Шэнъань потрясённо замолчал.

— Отец тогда читал лекции за границей, а мама оставалась в Пекине, — продолжала Чжаньлань. — Она была безутешна. Дедушка же во всём обвинил зятя — мол, безответственный, бросил семью в самый тяжёлый момент. Не выдержав давления отца и разрываясь от горя, мама забрала маленького Чжаньбая и улетела к мужу в Америку. Жизнь там превратилась в сплошное испытание. Хотя они души не чаяли в Чжаньбае, отдавая ему всю любовь, мама так и не смогла оправиться от потери первенца. В конце концов они решились на ещё одного ребёнка, надеясь излечить мамину израненную душу. Так на свет появилась я.

Но даже когда мама забеременела мной, отцовская карьера не давала ему передышки: он постоянно мотался с лекциями по всей стране. Ухаживать за ней было некому. Мама была уже возрастной роженицей с подорванным здоровьем, и на позднем сроке случилась беда — несчастный случай, вызвавший преждевременные роды. Когда её привезли в клинику, врачи сразу сказали, что шансов мало. Придётся выбирать: либо мать, либо дитя. Мама умоляла докторов спасти меня. Отца не было рядом, близких тоже, и врачам пришлось уступить её воле. Я выжила. Но не прошло и часа после моего рождения, как мамы не стало. Доктор рассказывал, что она уходила с умиротворённой улыбкой на губах, глядя на меня. Перед смертью она успела дать мне имя — Чжаньлань. Сказала, что эта девочка — её продолжение, и она вырастет такой же нежной и прекрасной, как дикая орхидея. Ни отец, ни дедушка так и не успели застать её живой.

Пока она говорила, её голос сорвался, а в глазах заблестели слёзы.

Шэнъань сочувственно коснулся её плеча:

— Чжаньлань, прости... Мне не следовало расспрашивать.

— Всё хорошо, — она выдавила бледную, вымученную улыбку. — Это случилось так давно. Просто я никогда и ни с кем этим не делилась, вот и нахлынуло.

— Не нужно продолжать. Мне больно видеть, как ты плачешь, — Шэнъань мягко сжал её ладонь, пытаясь согреть холодные пальцы.

— Нет, наоборот, — она крепче сжала его руку, глядя на него с удивительной решимостью. — Я давно хотела доверить эту ношу тому, кому действительно могу верить. Сейчас мне стало гораздо легче, правда. Позволь мне досказать.

Шэнъань уступил, лишь грустно кивнув в знак согласия.

— Когда отец с бабушкой наконец примчались в больницу, — возобновила она рассказ, — их встретили лишь кричащий младенец да остывающее мамино тело. Бабушка забрал её прах и увёз в Пекин, чтобы похоронить в семейном склепе. С тех пор они с отцом окончательно возненавидели друг друга. Первые два года отец один растил нас с братом в Америке, забросив все свои лекции и исследования. Но Чжаньбай рос нелюдимым и капризным. Он словно затаил глубокую обиду на отца, без конца звал маму и никого не подпускал к себе — даже меня. Видя, что мальчик чахнет, отец решился на тяжёлый шаг: отправить нас обоих в Пекин к бабушке. Так мы с братом обрели настоящий дом, а отец смог вернуться к своей науке.

Отец полагал, что под крылом деда нам будет лучше. И в чём-то он оказался прав: бабушка окружил нас заботой, но Чжаньбай стал для него настоящим центром вселенной. Брат рос поразительно красивым, смышлёным, учился блестяще, и дед буквально сдувал с него пылинки, потакая любым прихотям. Вот только характер Чжаньбая портился на глазах. С малых лет он закатывал жуткие истерики, крушил всё вокруг, бросался с кулаками на любого, кто подвернётся под руку. Сладить с ним мог только бабушка. У брата не было друзей, даже прислуга обходила его комнату стороной. Но сильнее всего он ненавидел меня. Он твердил, что мы с отцом сжили маму со свету, лишив его материнской ласки. Чжаньбай то осыпал меня проклятиями, то распускал руки, словно я была ему чужой.

Этот кошмар продолжался, пока мне не исполнилось двенадцать. До сих пор помню тот день: я играла в саду с куклой. Вдруг прибежал разъярённый Чжаньбай, вырвал игрушку у меня из рук и с силой толкнул на землю. Лицо его перекошилось от злости. Он закричал, что эта кукла принадлежала маме и если я ещё хоть раз посмею прикоснуться к ней — он меня убьёт. Я расплакалась от испуга и попыталась возразить. Тогда он вцепился мне в волосы, доволоч до бассейна и швырнул в воду. В жизни я не испытывала большего ужаса... Сквозь толщу воды я видела его искажённое яростью лицо. Я тонула, захлёбывалась, но где-то на грани сознания мне почудился мамин голос: «Борись, милая, держись, помощь уже близко». Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем садовник вытащил меня на бортик.

Позже прислуга шепталась, что Чжаньбай, осознав, что натворил, метался по берегу, кричал в истерику и сам прыгнул в воду, пытаясь меня достать. Но после этого случая бабушка понял: нам нельзя оставаться под одной крышей. Он вызвал отца, чтобы тот немедленно забрал меня. Когда за мной приехали, брат заперся в своей комнате. Но когда машина тронулась и я оглянулась, то увидела сквозь стекло, как он стоит на развилке дорог. Весь в слезах, раздавленный горем... Он плакал так горько, как никогда в жизни.

Чжаньлань не выдержала — слёзы хлынули из её глаз ручьём.

Шэнъань бережно осушил её мокрые щёки пальцами и ласково, умиротворяюще прижал девушку к своей груди.

— Отец увёз меня в Англию и оставил на попечении тёти, — всхлипнула Чжаньлань. — Там, на чужбине, я провела долгих десять лет. Росла, училась, выросла, чувствуя себя сиротой при живых родственниках. Отец прилетал только на Рождество, дедушка изредка звонил справиться о здоровье. Лишь однажды, когда мне исполнилось восемнадцать, пришло письмо от брата из Штатов. Он просто спрашивал, как мои дела. Я от радости места себе не находила — за ночь настрочила ответ на несколько десятков страниц, но он больше не написал ни строчки. В Америке он учился в Йельском университете, там же, где когда-то родители. Дедушке пришлось выслать его из страны, потому что в Китае он окончательно отбился от рук — беспробудно пил, ввязывался в уличные драки.

Получив диплом, Чжаньбай вернулся в Пекин прежним. Но теперь он был взрослым мужчиной, и дедушка больше не имел над ним власти. Брат снова связался со старой компанией, пустился во все тяжкие, прожёл год за годом. В конце концов, устав от бесконечных семейных нотаций, он бросил деду броскую отговорку — мол, терпеть не может пекинские снегопады — и уехал в Шэньчжэнь. Вот уже три года он здесь. Не работает, ни к чему не стремится, никого не любит. Он вытравил из себя веру в человеческое тепло. Заколотил наглухо все двери в свою душу, никого не подпуская близко. Иногда он кажется мне по-настоящему пугающим.

Но никто не знает его лучше меня. В наших жилах течёт одна кровь, и ту же чашу одиночества, страха и тоски, что пьёт он, когда-то испила и я. Он не чудовище. Чжаньбай умеет чувствовать, просто его никто не научил выражать тепло. Он отчаянно, до иступления любит покойную маму, эта привязанность стала его проклятием. Потеря переросла в глухую, ядовитую ярость, устремлённую на весь мир. Он ненавидит отца за то, что тот ради карьеры пренебрегал мамой; ненавидит меня за то, что моё рождение лишило его материнского тепла; презирает общество, косо смотрящее на его дикие выходки. Злоба свила в нём гнездо, заменяя ему весь спектр чувств. Он запутался, потерял ориентиры и медленно угасает. Ему нужен человек, способный принять его целиком, растопить ледяной панцирь вокруг сердца, направить его. Но такой души рядом нет. Чжаньбай ждёт спасения, ждёт уже давно, но я боюсь, что его силы на исходе.

А ведь под этой личиной скрывается незаурядный, сильный человек. Он унаследовал лучшее от деда и отца: если Чжаньбай за что-то берётся, для него нет невыполнимых задач. Знаешь, каким я увидела его после долгой разлуки? Этим летом, едва получив диплом, я прилетела в Пекин навестить дедушку, а потом мы с отцом отправились в Шэньчжэнь. В том самом доме, где ты недавно был, я столкнулась с братом лицом к лицу. Он поразил меня. Красивый, статный, с безупречными манерами истинного аристократа, а во взгляде — прежний, почти магнетический блеск. «Вот он, мой настоящий брат!» — помню, подумала я тогда.

И я решила остаться. Быть рядом, согреть его семейным теплом, помочь вернуть былую силу духа. Отец поддержал меня, пообещав купить здесь дом и проводить с нами как можно больше времени. После маминой смерти он так и не женился вторично. Наверное, это постоянство растопило сердце дедушки, да и успехами внуков тот был доволен, так что многолетняя вражда сошла на нет. Дед помог отцу укрепить влияние в Китае, передал доли во многих крупных холдингах, вознес его бизнес на недостижимую высоту. И только на этой вершине отец, кажется, понял: пора остановиться. Ему нужна не только империя — ему нужны сын и дочь.

Увы, Чжаньбай наши шаги навстречу воспринял в штыки. Он по-прежнему держит дистанцию и живёт затворником. Но я верю, что глубоко в душе он любит нас, ему просто нужно время, чтобы привыкнуть. Я буду рядом столько, сколько потребуется. Отогрею его, спасу от вечного холода. Пусть злится, пусть отталкивает — он мой брат, самый близкий человек на свете. Я больше не та испуганная маленькая девочка. И я клянусь: Чжаньбай больше никогда не останется один на один со своими слезами.

<http://bllate.org/book/18227/1758849>